

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА (1903–1912 гг.)

Антонина Крупнова
(Москва)

В мемуарной книге «Некрополь» В. Ф. Ходасевич писал: «Гумилев, до конца жизни не вышедший из-под влияния Брюсова, воображал себя глубоким, последовательным врагом символизма» [Ходасевич: 127]. В «Записных книжках» А. А. Ахматова заметила: «Не стоит походя называть Гумилева учеником Брюсова <...>. Это неверно, тысячу раз сказано, затрогано такими ручками! Дешево, вульгарно» [Ахматова: 625].

Два этих диаметрально противоположных высказывания наглядно демонстрируют полярность мнений относительно зависимости поэтики Николая Гумилева от творчества Валерия Брюсова. Начиная с рецензий на самые первые сборники Гумилева, его статус ученика Брюсова подчеркивался критиками. Признавал этот статус и сам Гумилев, отмечавший в одном из первых писем мэтру: «Я люблю называть Вас своим учителем, и, действительно, всему, что у меня есть лучшего, я научился у Вас, но мне нужно еще бесконечно много, чтобы эта моя зависимость от Вас могла почувствоваться читателями» [ГЩ: 462]. Тем не менее, уже после гибели Гумилева, Ахматова приложила немало сил для того, чтобы развенчать «миф» об ученичестве младшего поэта у старшего.

В исследовательской литературе влияние Брюсова на Гумилева еще не стало общим местом (см., впрочем: [Богомолов; Гаспаров; Лекманов; Толмачев]). Цель нашей статьи — добавить несколько примеров, иллюстрирующих влияние Брюсова на Гумилева. Речь пойдет о раннем этапе творчества Гумилева — первых четырех стихотворных сборниках («Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо»). Мы будем опираться на методологию, предложенную в статье З. Г. Минц «Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока» [Минц: 362–386]. Исследователь выделяет три типа реминисценций:

1. Собственно цитаты, то есть точное воспроизведение фрагмента другого произведения в авторском тексте;
2. Перефразировка фрагмента другого текста в авторском тексте;
3. Сокращенные знаки-указания на тот или иной текст, которые исследователь делит на несколько категорий: заимствования имен; заимствование художественных предикатов; заимствование атрибутов; заимствование мифем.

Классификация обнаруженных переключек привела к выделению трех этапов в раннем творчестве Гумилева. Первый из них охватывает 1903–1905 гг., на которые приходятся дебютные стихотворные опыты поэта и публикация его сборника «Путь конквистадоров». Этот период характеризуется преобладанием такого типа заимствования как перефразировка. Анализ стихотворений, написанных в эти годы, дал порядка 14 примеров переименования Гумилевым брюсовских строк.

Вот, например, начало «Песни Заратустры»:

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятия,
Сын голубой высоты [Гумилев: I, 24].

Ср. с зачином стихотворения Брюсова «Духи земли»:

Со всеми мы братья,
Всем открыли объятия,
Зверям и тучам,
И теням летучим [Брюсов: I, 232].

В строках гумилевского стихотворения “Credo” [Гумилев: I, 25] использован ритмический рисунок и тематика брюсовского стихотворения «Последний день» [Брюсов: I, 359]. Строки из стихотворения Брюсова «Я провижу гордые тени» («Ушедшие в небо ступени, / Застывшие громады домов» [Там же: 172]) откликнулись в гумилевских «Пророках» («Они запуганы и бледны / В громадах каменных домов» [Гумилев: I, 46]).

Помимо перефразировки в стихотворениях первого периода присутствуют и другие типы заимствования. Сходство атрибутов обнаруживается между не опубликованным при жизни поэта сти-

хотворением Гумилева «Огонь» (1905) и брюсовским «Женщине». Ср.:

Огневые лобзают уста...
Хоть он жжет, но он всеми любим... [Гумилев: I, 336]

*

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток [Брюсов: I, 179].

В ранний период, однако, в творчестве Гумилева в количественном отношении перефразировка преобладает над заимствованием знаков-указаний: 14 против 9, что разительно отличает его от второго выделенного нами периода — 1905–1910 гг.

Если во время написания «Пути конквистадоров» Брюсов и Гумилев лично не общались, то сразу после выхода этого сборника начинается их активная переписка. Брюсов предлагает присылать стихотворения для публикаций в журналах, дает советы по стихосложению. Гумилев в эти годы выступает в качестве послушного, безропотного ученика. На этом этапе он создает сборники «Романтические цветы» и «Жемчуга». По сравнению с первым периодом в стихотворениях резко сокращается количество перефразировок: от 14 в «Пути конквистадоров» до 3 в «Романтических цветах» и 5 в «Жемчугах»; при этом количество заимствований знаков-указаний остается прежним, 8 и 11 соответственно.

Примером перефразировки брюсовских стихотворений является «Закливание» Гумилева из сборника «Романтические цветы», в котором следующие строки:

И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной
Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук [Гумилев: I, 65]

соотносятся со брюсовским «Сладострастием»:

Черные волосы, с сумраком слиты,
Пали на белую матовость плеч;
Выпуклы, подняты, вечно не сыты,
Груды дрожат от желания встреч.
Руки протянуты (так, беспокоясь,
Ищет слепая далекой стены) [Брюсов: I, 338].

К перефразировкам можно также отнести первую строку не опубликованного при жизни стихотворения Гумилева «Неожиданно пал на наши рощи иней...» [Гумилев: I, 356], которая явно восходит к следующему микрофрагменту из брюсовского стихотворения «Конечно! кончено! Я побежден...» («Утром наляжет на ропотный лес / Иней» [Брюсов: I, 123]).

В качестве примера заимствования, которые З. Г. Минц называла сокращенными знаками-указаниями, можно привести не вошедшее в сборники стихотворение Гумилева «Неслышный, мелкий падал дождь» (1907) [Гумилев: I, 346] и «Путник» Брюсова [Брюсов: I, 289]. В текст молодого поэта переходят такие атрибуты, как хитон и запекшиеся от жажды губы, а также фигура путника.

Заимствование образа свечи в сочетании с эпитетом «строгие» связывает не вошедшее в сборники стихотворение Гумилева «Слушай веления мудрых» (1907) и «Когда мы бывали» Брюсова. См. в тексте Гумилева:

Шепчут о нежном и вечном.
Ласковы быстрые миги,
Строго-высокие свечи, [Гумилев: I, 342]

Ср. у Брюсова:

Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи [Брюсов: I, 409].

Стихотворение «Семирамида» из сборника Гумилева «Жемчуга» заимствует из текста Брюсова «В магическом саду» такие атрибуты сада, как «цистерна» и «мох» (ср.: [Брюсов: I, 76] и [Гумилев: I, 92]).

Третий и последний этап творческих отношений Брюсова и Гумилева в рассматриваемый нами период — это 1910–1912 гг. Это — время написания и выхода четвертого сборника Гумилева «Чужое небо». Период этот характеризуется практически полным отсутствием в творчестве Гумилева реминисценций из творчества Брюсова. Примером перефразировки было использование Гумилевым в неопубликованном стихотворении «В вашей спальне» ритмического рисунка брюсовского «В будущем». Ср.:

Я хотел тишины и печали,
Я мечтал Вас согреть тишиной,
Но в душей моей чаши азалий
Вдруг закрылись, и сами собой... [Гумилев: I, 445]

*

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души [Брюсов: I, 75].

В период написания сборника «Чужое небо» происходит окончательное формирование Гумилева в качестве самостоятельного, самобытного поэта. Меняется его тон общения с Брюсовым — из переписки практически пропадают просьбы о напутствиях, мнение учителя больше не является неоспоримым, теперь не только Брюсов приглашает Гумилева печататься, но и сам Гумилев просит те или иные произведения своего адресата для публикации в «Аполлоне».

В последующих сборниках Гумилева также обнаруживаются примеры переключек с поэзией Брюсова. В частности, стихотворение «Телефон» из сборника «Костер», а именно такая характеристика голоса, как гармония:

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела... [Гумилев: I, 223]

соотносится со строками из брюсовского стихотворения «К металлам»:

Голос серебристый мне звучал предтечей
Прежде недоступных сладостных гармоний
[Брюсов: I, 216].

Перефразировкой строк из стихотворения «Лежу на камне, солнцем разогретый» Брюсова является строка из «Канцоны второй», вошедшей в последний прижизненный сборник Гумилева «Огненный столп»¹. Ср.:

Кругом сверканье, говор и движенье,
 Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
 Я не пойму, в чем тайный смысл волнения,
 А морю не понять моих вопросов... [Брюсов: I, 165]

*

Там, где всё сверканье, всё движенье,
 Пеньё всё, — мы там с тобой живем.
 Здесь же только наше отраженье
 Полонил гниющий водоем [Гумилев: I, 294].

Внутреннее стремление освободиться от прежних поэтических влияний могло спровоцировать Гумилева намного внимательнее всматриваться в свои произведения и искоренять в них все, что могло выдать связь с прошлым ученичеством. Скорее всего, именно оно привело к «вымыванию» брюсовских подтекстов из сборника «Чужое небо», который должен был подвести итоги периода окончательного закрепления Гумилева в литературных кругах. Полное отсутствие каких-либо связей с Брюсовым указывает на то, что к этому сборнику Гумилев относился очень тщательно.

В последующих сборниках Гумилева снова появляются брюсовские подтексты. Это свидетельствует о том, что творчество «учителя», даже после разрыва отношений и признания Гумилева в качестве крупного и самостоятельного поэта, было очень важно для мэтра акмеистов на протяжении всего его творческого пути.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова: *Ахматова А.* Записные книжки. 1958–1966. М.; Torino, 1996.
 Богомолов: *Богомолов Н. А.* Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 113–145.
 Брюсов: *Брюсов В.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1973.

¹ Название сборника «Огненный столп», возможно, восходит к стихотворению Брюсова «Столп огненный» (см. [Лекманов: 160]).

- Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Антиномичность поэтики русского модернизма // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995.
- Гумилев: *Гумилев Н.* Сочинения: В 3 т. М., 1991.
- Лекманов: *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.
- Минц: *Минц З. Г.* Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. СПб., 1999.
- Толмачев: *Толмачев М. В.* «...Всему, что у меня есть лучшего, я научился у вас...». По страницам писем Н. С. Гумилева к В. Я. Брюсову // Литературная учеба. 1987. № 2. С. 163.
- ТЩ: *Тименчик Р., Щербаков Р.* Переписка с Н. С. Гумилевым (1906–1920) // Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. М., 1991–1994 / Лит. наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1993.
- Ходасевич: *Ходасевич В. Ф.* Некрополь. СПб., 2001.